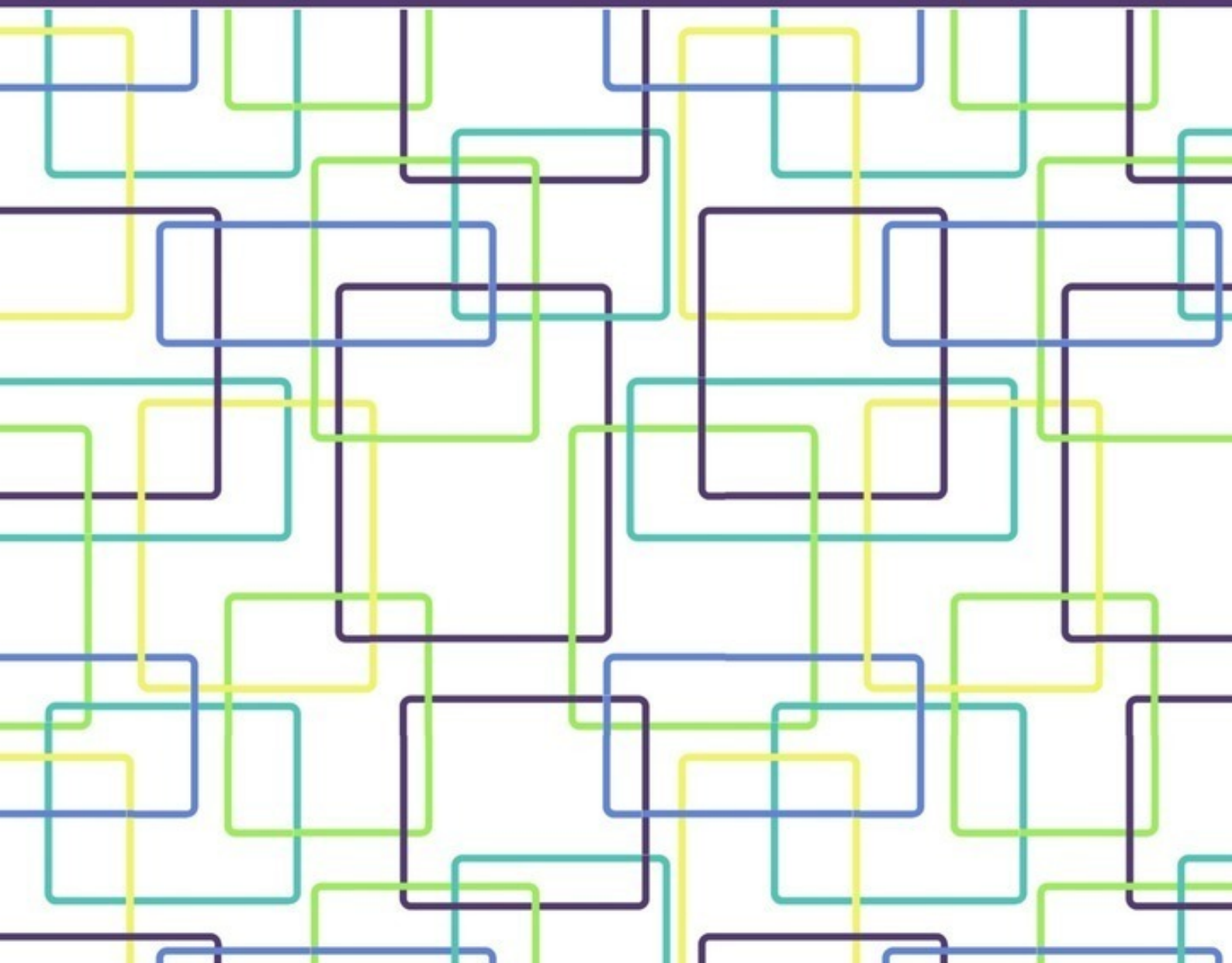

Александр Ладошин

РЕПЕРНЫЕ ТОЧКИ

Александр Ладошин

Реперные точки

«Издательские решения»

Ладошин А.

Реперные точки / А. Ладошин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850991-9

Настали времена, когда особо значимыми становятся слова детей войны о людях Поколения Победителей. Они богатыри, все, без изъятия и исключения, но... они люди, со всеми пороками и недостатками. А я ребёнок войны, я набрался смелости писать о них, потому, что я их плоть от плоти, я с ними жил, я их знаю. Мне нет нужды фантазировать и воображать, я пропитан их рассказами, их мечтами, их жизнью. В стихах настоящего сборника нет людей не реальных, только некогда жившие и я хочу оставить о них память.

ISBN 978-5-44-850991-9

© Ладошин А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Шестнадцать первых лет	7
Про моего друга	11
По рязанке есть Ильинка	15
Пока банан свисает прямо в рот	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Реперные точки

Александр Ладошин

© Александр Ладошин, 2017

ISBN 978-5-4485-0991-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Болит сердце от того, что подлинных ветеранов, участников войны и тружеников тыла, остались считанные единицы. Раны и возраст выкосили монолитные ряды поколения победителей. Вполне реальна угроза оставления без призора, передаваемой изустно, истории страны, войны и великих тягот человеческих, что выпали на долю наших матерей, отцов и старших братьев. Наметился риск словоблудливых изысканий корыстными историками на истекающем болью материале, на святой памяти вдов и сирот о миллионах павших героев.

Писать о войне, и людях войны, не перестали, только... кто, что и как пишет? Откуда-то налетели ветры книжно-газетно-телевизионных сомнений, летят молнии разоблачения и обличения. Обличения кого – воинов победы, тружеников тыла, павших героев? Они своим воинским и трудовым подвигом на сотню лет вперёд искупили любые свои грехи, если они и были. Им должна быть благодарна страна, за то – что она сохранена, сохранён живущий в стране народ, и живёт не как-либо, а недовольство своё дерзит высказывать.

Горько сознавать, но приходится, что настали времена, когда весомыми и значимыми становятся слова детей войны о людях Поколения Победителей. Они все богатыри, без изъятия, без исключения, все. Но они, ... они... только люди, может и с пороками.

Я ребёнок войны, я их плоть от плоти, я среди них жил, я их знаю. Я набрался смелости писать об этих людях потому, что... мне нет нужды фантазировать по их поводу. Я пропитан их рассказами, их несбывшимися мечтами, их верой, что... детям будет легче.

В настоящий сборник вошли стихи о людях вполне реальных и живших рядом со мной. Слава им и вечная память, они оставили о себе память сохранённой страной и новыми поколениями.

Я же хочу оставить память о них, как умею.

Шестнадцать первых лет

Сороковые помнятся лишь краем,
от карточек зависимость отпала.
Подумалось, земля пребудет Раем,
житуха хлебом расцветет и салом.

Отец вернулся, сидор да погоны,
а для меня, так, дядька незнакомый.
Тогда впервые в руки взял патроны,
прочувствовал портянок дух весомый.

Моим мечтам не привелось свершиться,
по выдаче был хлеб, похлебка в плошке.
Для школы мал, чтоб грамоте учиться,
цифирь учил с рисунка на ладошке.

Ах очередь, вот мой толчок к рассказу,
ее понять лишь опытом возможно.
Не мерз кто ночью у дверей лабаза,
про нас судить тот должен осторожно.

И очередь дарила всем с лихвою,
сочувствием совет простой бесценен.
Любой багаж забот тащил с собою,
под грузом тем не можешь быть заменен.

Различный люд под дверью собирался,
не ведая, чем новый день одарит.
С пустой авоськой, было, возвращался,
иль с требухой, с чем мама супчик сварит.

Сороковых закончилась декада,
восторгов нет, но и печаль забыта.
В полсотые теперь шагать мне надо,
в две пятилетки новых дверь открыта.

Передо мною масса ожиданий,
обвал событий, для движенья трасса.
Я старше стал, я приобрел познаний,
начну рассказ от первого «А» класса.

В мужскую школу в срок определили,
ведь пацаны учились без девчонок.
Начать и со второго шансы были,
отец не дал, ишь – белый вороненок.

Пришла весна, умытая слезами,
плачь по стране – ушел людей всех Папа.
Крестила бабка лоб пред образами,
а я ревел, мне было жаль сатрапа.

Мне Сталин был на вроде как Создатель,
в обоих веровал, жизнь заставляла.
Днем сталинских наук приобретатель,
а ввечеру бабуля просвещала.

Постичь не детскую науку парню,
про злых врагов, про дядьку генерала,
не просто. То трубят о них фанфарно,
а-то, училка в школе вдруг сказала:

– Открыть Родную Речь, страницу восемь,
там лысый генерал сидит, очкастый.
Теперь страницу вырвем, на пол бросим,
растопчем каблуком, он враг ужасный.

В сырую землю многих он отправил,
твердили мне, что – до того не знали.
А я и верил, и ругал, и славил,
тогда не дети, все так поступали.

И взрослых приучили слову верить,
а уж дитя, – в сомнениях едва ли.
Страничку вырвал, чтоб ее похерить,
гордиться мог бы мной товарищ Сталин.

Меня в коммуны Родина стремил,
я и шагал, за тройки лишь стыдился,
а инвалид-сосед, война скосила,
со стенки снять портрет распорядился.

Он мне твердил, что я, покуда мелок,
всех должен слушать, доверять не многим.
Случись учет поделок и подделок, —
себя с умом не выказать убогим.

И грянул гром, мы в форме, как кадеты,
и молния, пришли девчонки в школу.
К нам, не к себе, все в банты разодеты,
теперь вниманье им, а не футболу.

Под формою гормоны заиграли,
себя уж не считаем детворою.
Одни в стихах любовных заплутали,
других романтикой влечет блатною.

И я был грешен, трудно отказаться,
чтоб во дворе не звали слабосильным,
в сарай с брусом тихонько забирался,
затачивал ромбический напильник.

Куренья опыты прервал родитель,
ох, как потом садиться было сложно.
Но... видно всем порокам я обитель,
хоть и ремня поболее было б можно.

Вот пятьдесят четвертый с целиною.
Тогда сестра на подвиг уезжала,
а я был горд причастностью такою.
Впервые сердце острой грустью сжало.

Вот год другой, другие впечатленья,
впервые дачу сняли среди сосен.
Из злых трущоб в лесные откровенья,
век не видать тебя б золотая осень.

Но дача часть, по ней восторги лишни,
мне «Смену» подарили в это лето!
До «Сладкой жизни» не дошел Феллини,
но «папарацци», (мне), не важно это.

Вот уж когда пацанчик потерялся,
и стал «охотником за головами».
За репортерский труд с задором взялся,
довел до бешенства иных, – буквально.

Вот пятьдесят седьмой для афоризма.
В апреле получили мы квартиру,
прощай жильё еще времен царизма,
– Восторг и слава теплому сортиру.

В кирпичный дом на Ленинском проспекте,
да к финской кухне, да к огромной ванной,
ну как властям не расточать респекты,
стряхнув остатки жизни голодраной.

Был Фестиваль, всех языков смешенье,
и девочки какого хочешь цвета.
Конечно... молод был для «отношенья»,
но фантазировать ведь нет запрета?

Кондомы, порно-фотки, чуингам и
бейсболки, что увешаны значками.
Товаром этим бойко фарцевали,

рублями прирастали, тройками.

Но все конечно, даже фестивали,
закончен праздник, началась рутина.
Обычной жизни радости, печали,
уныло-блекло-школьная картина.

К концу уж полусотые скатились.
Но... пятьдесят девятый отличился.
С прекрасным полом действия случились,
я в звании мужчины утвердился!

Впервые подбиваю я итоги,
шестнадцать лет как реперная точка.
Вы к юности не будьте слишком строги,
не просто каждая давалась строчка.

Про моего друга

Не полных восемнадцать, младший лейтенант,
За юною спиной лишь два коротких боя;
Еще не проявил бойцовский свой талант,
Однако, в тех боях, он не нарушил строя.

Свободна грудь к отметам доблести его,
Пока лишь только знак гвардейского отличья,
Но это не беда, не труся никого,
Окажет немцу он «вниманье» и «приличье».

Ствол пушки раскалится карою святой,
Броней одетый танк врага разить стремится,
Уж третий год войны, а он лишь только в бой,
Вступает гневом переполненный на фрица.

Но это как светёт, ну а сейчас в тиши,
Перечитать письмо, припасть душою к дому;
И командиры танков мамам малыши,
В разлуке поручают их покой святому.

Наутро будет бой, атака рубежа,
Все будут как мишени для прямой наводки,
Там труса и героя разведет межа,
Отделит список наградной от скорбной сводки.

Ночь растворила сны и дым дневных забот,
Что снятся младшему под танком задремавшем,
Благословенье мамы юношу спасет,
Над каждым реет пусть на путь отмщенья вставшим.

Рассветная прохлада и хрусталь росы,
Природа миг последний тишиною дышит,
Как Истины Момент всем возвестят часы,
Лишь командира, не себя, в машинах слышат.

Сигнал, ракета, командирский крик – вперед,
Лишь дым соляра скрыл исходные дубравы,
Поток стальных машин захватчиков сметет,
И в каждой человек для смерти иль для славы.

Опущен люк, в наушниках комбат орет,
Механик фрикционы отпустил – атака,
Машина к вражьему окопу поле рвет,
Сейчас покажет лейтенант, что значит драка.

В атаке не одни, броней прикрыт десант,
Святое дело подвезти свою пехоту,
Укрыл за башней отделение сержант,
Сейчас в траншеях злую им вершить работу.

Колючка прорвана, окопы под катком,
Вот немца пулемет под гусеницей скрылся,
Покинул танк десант, им этот бой знаком,
А лейтенант вглубь обороны устремился.

Вот огневая точка цепи к долу гнет,
Нельзя, нельзя залечь, в атаке темп теряя,
Оскольно-фугасным бьет и дзот взрывает,
Танк дальше мчит, все встречное броней сметая.

Вторая линия, прорвать ее сложнее,
Щетинится бетоном и стальной броней,
Но это не причина быть с врагом нежней,
Их завершится жизнь с атакой роковой.

Но это впереди, пока опасен враг,
И разрушительным своим он занят делом,
Зло огрызаются и горка, и овраг,
За танком лейтенанта враг следит прицелом.

Товарищей хранит маневром и огнем,
Танкист в бою пример и образец напора,
Но смелость не спасет, когда ударит гром,
В механика снаряд, другой в отсек мотора.

Радист с водителем сгорели, только прах,
Наводчика на этот раз хранил Создатель,
А командир лежит у танка, умер страх,
В его войне сильней остался неприятель.

На поле тучном жатву собирает смерть,
Погибшим слава, раненым осилить беды,
Атака разрушает обороны твердь,
Не всем достанется вкусить плодов победы.

Не вышел срок солдату обрести покой,
Его от смерти мать молитвой охранила,
Теперь бойцу назначен тяжкий путь домой,
Не малая ему понадобится сила.

Был танк, был бой, был лейтенант атаке рад,
Машина выжжена и командир изранен,
Лишь ночью вывезли танкиста в медсанбат,
Но он не знал, потерей крови одурманен.

Агонии четыре дня и забытьё,
Прошли, пока с косою старуха отступила,
Не будет грать на погосте воронье,
Летучка в тыл бойцов, израненных катила.

Подвижный госпиталь, вагон, дорога в тыл,
Случайный штурмовик как коршун на охоте,
Крестовый самолет над поездом застыл,
Костлявая не спит, ей снова быть в работе.

Две бомбы два костра и пули рвут тела,
Огонь и кровь, войны привычная картина,
Опять танкисту очередь не подошла,
Лишь ног теперь осталась только половина.

Судьба ударила под вздох и в полный мах,
Не вот-то дашь ответ, как было б парню проще,
Юнцу калекой жизнь продолжить на культях,
Или остаться там, где танк сгорел у роши.

Кто смел, кто на себя ответственность возьмет,
Давать совет под груз плеча не подставляя,
Не сразу, но танкист и сам ответ найдет,
Ведь в нем жива навечно крепость броневая.

Один, второй и третий, ряд госпиталей,
День-ночь и снова день перед глазами горе,
Несчастья не избыть, но, сколько слез не лей,
Всяк со своей бедою пребывает в споре.

Наука медицина знает докторов,
И лучший в их ряду наверно будет время,
Конечность прирастить он может не готов,
Но страждущим всегда взрастит терпенья семя.

Боль-горе не избыть, так Господу видней,
Ведь каждый для своей судьбы на свет явился,
Былого, не забыв не рушить новых дней,
Так исподволь танкист с юдолью примирился,

Конечно, на протезе жизнь не веселей,
А костыли в труде и отдыхе помеха,
Но если не скулить над тяготою дней,
То будет повод для улыбки и для смеха.

Присела парню птица счастья на плечо,
Теперь бойцу и вдаль смотреть совсем не страшно,
Другому от руки, любимой горячо,

Забилось сердце вновь игриво, бесшабашно.

Пока отвага, разум, правят головой,
Ни у какой беды дороги нет к успеху,
Так молодой герой, презрев в себе покой,
В труд мирный перешел, в войне оставив веху.

По рязанке есть Ильинка

По Рязанке есть Ильинка,
там я жил на даче лето,
в памяти всплыла картинка,
в светлом детстве было это.

Там родители снимали
пару комнат и террасу,
чтобы дети поднабрали
кислородного запаса.

Дети – это я и сестры,
главный я, как самый малый,
памятки ребенка остры,
это я теперь усталый.

Перешел в четвертый Саша,
Катя перешла в десятый,
старшая, Татьяна наша,
мучает диплом проклятый.

Сестрам лето передышка,
сил скопить к концу ученья,
только маленький мальчишка
черпал вволю наслажденья.

Все при деле, при заботе,
мама много суетится,
я один в своей вольготе,
летом жажду насладиться.

Тут клубника и малина,
и жасмин свисает к дому,
у хозяйки чудо псина
просто сказка городскому.

А еще, там пруд чудесный,
пляж-песочек – загляденье,
как завидовал я местным
за такое им везенье.

Правда, в выходной купаться
пацанва не торопилась,
в желтой мути бултыхаться,
лишь «воскресные» годились.

Москвичам бы на природу,
скинуть города печали,
так в любую непогоду
дачники гостей встречали.

По террасам и беседкам
звон посуды, пенье песен,
гостю, прибывшему к предкам
мир прекрасен и чудесен.

А поутру, в воскресенье,
прихватив в авоське пиво,
гость для ловли наслажденья
на берег трусит ретиво.

Окунувшись, освежившись,
поместив в песочек тело,
Жигулевским насладившись,
отдыхает гость умело.

Есть приезжие другие,
отвалившись от застолья,
рухнув в гамаки тугие
«отдыхают» на приволье.

Так за лето к нам на дачу
вся родня перебивала,
даже та, кого годами
к нам в Москве не задувало.

Наконец, приходит вечер,
гости к станции плетутся,
маме отдых обеспечен
от плиты хоть разогнуться.

Так среди набегов этих
лето под гору катилось,
детям все же отдыхалось,
предкам в пытку превратилось.

Ну да как бы ни было бы,
память светлая осталась,
дети, как всегда в фаворе,
предкам, как всегда досталось.

По Рязанке есть Ильинка,
там я жил на даче лето,
в памяти всплыла картинка,
в светлом детстве было это.

Пока банан свисает прямо в рот

Пока банан свисает прямо в рот,
Поди, заставь кого ратаить поле.
В России эта фрукта не растет,
А обленились африканцев боле.

Ну не банан, ну крошки со стола,
В количестве достаточном нажраться.
Как быстро в людях гордость умерла,
Готовы за «банан» чуть не отдаться.

Слов нет, питаться должен организм.
С задачей этой раньше управлялись,
Не возрождая рабства атавизм.
Простым трудом все блага доставались.

Ведь был нормальный северный народ,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.